

JOYRIDE
C BETEPKOM

*Посвящается моей матери,
Билли Мэй Пассарелле.
Спасибо за то, что сделала большой дом родным,
за поддержку и за то,
что научила справляться с трудностями.*

Действие романа происходит во время 12-го сезона, между сериями «Будущее» и «Прутики-веревочки и Таша Бейнс»

Твердо решив потерять килограммов десять за две недели и влезть-таки в костюм, купленный на свадьбу двоюродной сестры, Джереми Мертен вычистил дом и выкинул всю вредную еду из холодильника, морозильной камеры и буфета. Без колебаний. Никаких излишеств. Так он думал. И продержался целых два дня, а потом аппетит настойчиво заявил о себе. На вторую ночь Джереми приснился остров, где росли цветы с лепестками из чипсов и лианы из соленой соломки, реки мороженого струились между кустами из печенья с шоколадной крошкой. Слой начос окружал бурлящие горячие источники тягучего сыра чеддер. На другом конце острова высилась роща пончиковых деревьев.

Джереми решил, что начал слишком круто. Нужен какой-то перекус, чтобы быстро открыть и съесть, если приспичит. Знание, что в доме есть нечто подобное, помешает демонам нездорового питания наводнять его сны видениями запретных калорий. Джереми посмотрел вечерние новости, прогноз погоды и результаты спортивных матчей, рассеянно покусывая ноготь большого пальца, и решил съездить в магазинчик на заправке и купить чего-нибудь — чипсов, немного вяленого мяса... И все. Стратегический запас.

Он взял ключи и сел в машину, чтобы прокатиться туда-обратно. На этот раз никаких излишеств. Небольшая пачка чипсов и вяленое мясо. И все. Джереми кивнул, гордясь своей выдержкой. Но через несколько минут нахмурился.

Чипсы и мясо — соленая составляющая фастфудного уравнения. Наверное, нужно прихватить и сладкое. Например, упаковку мини-пончиков с сахарной пудрой. Отличная идея, решил он: сладкие и на один укус. Тем меньше вероятность увлечься. И полкило (не килограмм!) мороженого — старого доброго ванильного мороженого. И все, больше ничего не нужно.

В такой поздний час машин на внутриштатном шоссе было немного. Обычно в это время Джереми уже ложился спать. Он зевнул при мысли о расстоянии, разделяющем его голову и любимую гипоаллергенную подушку. Впереди вспыхнули, быстро приближаясь, фары грузовика.

— И упаковку жвачки, — сказал Джереми вслух, чтобы не задремать. — Только без сахара. Чур не жульничать.

Жвачка пригодится, если нужно чем-то занять рот.

Он посмотрел на часы на приборной панели: без одной минуты полночь.

«Новый день почти наступил», — подумал он.

И произнес:

— Новый день, новая жизнь.

Разумеется, ничего из купленного он есть не будет, уберет все в буфет, а мороженое — в холодильник, но само присутствие этой еды позволит ему продержаться еще полторы недели.

Позади кто-то гудел — все громче и громче. Плянув в зеркало заднего вида, Джереми заметил свет одинокой фары, которая приближалась со скоростью, едва ли не вдвое превышающей разрешенную. Мотоциклист. Вечно эти байкеры куда-то торопятся. Не успела эта мысль промелькнуть у него в голове, как произошли сразу два события. Мотоциклист выехал на соседнюю полосу, чтобы обойти его слева, а часы сообщили о наступлении полуночи.

Поле зрения схлопнулось, поглощенное тенями, метнувшимися с краев, уничтожившими свет и сознание. Короткий, полный паники миг Джереми боролся с подступающим

обмороком. Прежде чем темнота поглотила его, он понял, что выехал на середину дороги — или это приближающийся тягач выскочил на его полосу, — и почувствовал мощный удар, когда мотоцикл врезался в него сзади. Его будто потрянула гигантская рука. Стив Свауджер был уже без сознания, когда его байк въехал в задний бампер городского внедорожника Джереми Мертена. Стив вылетел из седла навстречу приближающейся фуре, мотоцикл упал и закрутился на боку, осыпая дорогу фейерверком искр.

Лоретта Папенфусс потеряла сознание за рулем, не увидела, как Свауджер упал на асфальт и покатился по дороге, и половина из восемнадцати колес ее фуры переехали его безжизненное тело. Бастер, ее давний попутчик, истеричная французская болонка, проснулся в переноске за сиденьем и тревожно залаял. Лоретта оставалась без сознания, когда ее фура врезалась в автомобиль Джереми, со скрежетом протащила его вперед и отбросила в сторону. Бастер несколько раз упал, но продолжал заливаться отчаянным лаем, фура слетела с дороги, прогромыкала по заросшей травой насыпи, пробила белый штaketник и оставила громадную дыру в стене белого двухэтажного дома, пройдя всего в нескольких сантиметрах от кровати, на которой пожилые супруги благополучно проспали все происшествие.

Обломки сыпались на искореженную кабину и разбитое ветровое стекло, тревожный лай Бастера становились все тише — он как будто догадался, что никому, в том числе и его хозяйке, нет до него никакого дела. Слушая знакомое урчание двигателя, пес улегся в своем мягком домике, опустил мордочку на лапы и тихо заскулил.

* * *

В нескольких километрах отсюда и несколькими минутами раньше ночной клуб «Круговерть» бросал вызов ночной тишине светящимися неоновыми вывесками, грохочущими басами, мигающими стробоскопами и разноцветными вра-

щающимися прожекторами. Танцоры кружили, подобно водовороту. Посетители, сидевшие у длинной изогнутой стойки из стекла и хромированной стали, пытались разговаривать, но для этого им приходилось наклоняться друг к другу и кричать. Бармены сновали вдоль стойки, принимая заказы. Наступила полночь, один день сменился другим.

И вдруг бармены, и все, кто сидел у стойки, и все, кто танцевал, разом упали. Бокалы с коктейлями и пивные бутылки посыпались на пол. Невезучая официантка Летти Гиббс, с трудом оставившая позади неловкие подростковые годы и будучи, по собственному выражению, растяпой, упала лицом вперед с подносом, на котором несла бутылку шампанского и бокалы. Осколком ей перерезало горло.

Мужчины и женщины соскальзывали с барных стульев прямо посреди разговора, роняя недопитые коктейли и телефоны с незаконченными сообщениями в «Твиттер». Танцоры, потеряв сознание, по инерции падали в разные стороны. Это закончилось вывихнутыми руками и ногами, перебитыми носами, раскрошенными зубами и одной сломанной челюстью.

Грохочущая музыка продолжала сотрясать стены, стробоскопы яростно мигали, но в мечущихся лучах прожекторов видно было только неподвижных людей, лежавших на полу, и еще лужа крови растекалась под умирающей Летти Гиббс.

* * *

Закусочная «Файнер-Дайнер» стояла у самой границы города — первое кафе, которое видели путешественники, съезжая с автострады, и последний шанс перекусить для тех, кто покидал город. Закусочная принадлежала семье Файнеров на протяжении многих поколений, но вершины успеха бизнес достиг лишь несколько десятков лет назад, когда озеро Делси стало главной туристической достопримечательностью. Множество рекламных щитов привлекало в Мойер ма-

шины, набитые людьми, равнодушными к прогулкам на лодках и отдыху в кемпинге, и этот людской поток приносил закусочной прибыль всю весну и лето. Даже осень привлекала в домики, окружавшие озеро, немало тех, кто в поисках спокойного и живописного отдыха предпочитал держаться подальше от летнего безумия на воде.

Однако те безмятежные дни давно миновали. Появление предприятия «Пандженто Кемикалс» положило конец не только безработице, но и озеру Делси. Старожилы рассказывали о разливах ядовитых вод, токсичных стоках и незаконном сбросе химических веществ, которые отравляли озеро. Купание нагишом в скрытой от посторонних глаз бухте долгое время было для мойерских подростков своеобразным обрядом посвящения, но все закончилось, когда оказалось, что от воды появляются сыпь и язвы, тошнота, рвота и понос.

Закусочная «Файнер-Дайнер» удержалась на плаву во время экономического спада, потому что в ней подавали лучшие гамбургеры в городе, а еще благодаря постоянным клиентам из числа местных жителей и стабильному, хотя и не такому большому потоку путешественников, съезжавших с шоссе в поисках места, где можно быстро перекусить. Для большинства из них знакомство с Мойером закусочной и ограничивалось — они отправлялись дальше, в более интересные места.

За две минуты до полуночи в «Файнер-Дайнере» сидело человек десять, завсегдаи — те, кто задержался на работе или пропустил ужин, либо те, кого привлекал выбор завтраков, которые здесь подавали круглосуточно.

Мэри Дельфино несла большой поднос, направляясь к паре, сидевшей в задней кабинке. Эти двое приходили в закусочную с тех пор, как она начала здесь работать. Гейб и Линда, настоящие полуночники, появлялись поздно вечером и заказывали большие порции. В тот вечер Гейб выбрал фирменный завтрак «Не о чем тут думать» — блинчики с черникой, яичница, бекон, сосиски, домашняя картошка фри,

тосты из непросеянной муки, кофе и большой стакан апельсинового сока. А Линда — бургер «Пир желудка» средней прожарки с большой порцией жареного картофеля с сыром и большой шоколадный коктейль. Иногда Мэри задавалась вопросом: может, они едят всего раз в день и поэтому столько заказывают?

Пит Пападакис, ночной повар, ловко управлялся на кухне, следя, чтобы заказы не задерживались под нагревательной лампой. Подойдя к угловой кабинке, Мэри улыбнулась... а в следующую секунду на нее обрушилась тьма. Ее сознание погасло, как свеча, которую задули.

Другие посетители за стойкой обмякли, закатив глаза. Генри Эддисон, пожилой мужчина, занимавший место на углу, падая, толкнул Мейбл Джеймс, и все попадали с табуретов один за другим, как костяшки домино.

На кухне Пит, отскребая металлической лопаткой поверхность гриля, мечтал о сигарете. Он собирался улучшить пару минут и выйти покурить на задний двор, но сперва...

Мысли внезапно оборвались, и, потеряв контроль над телом, он упал лицом вперед. Руки попали на горячий гриль. Обожженная плоть зашипела, колени подогнулись. Пита тряхнуло, и он повалился спиной на кафельный пол.

* * *

В погоне за оригинальностью главную улицу Мойера называли Центральной, а не Главной. К сожалению, этому названию не очень-то соответствовали старомодные магазины, занимавшие обе ее стороны на протяжении целых десяти кварталов, — стены, выкрашенные светлой краской, полосатые навесы, двери между выступающими вперед витринами, графитовые доски на тротуарах — с рекламой или меню, написанными мелом от руки. Большинство магазинов уже закрылись, их окна были залиты янтарным светом уличных фонарей, стилизованных под старинные газовые.

Полночь почти наступила, на Центральной оставались открытыми лишь несколько заведений — рестораны и ночные закулочные, винные магазины и тату-салон. Прохожих становилось меньше.

Мужчина средних лет в старом пальто, потертых джинсах, стоптанных ботинках и перчатках без пальцев натянул вязаную шапку на лоб. Он брел, шатаясь из стороны в сторону, как будто плиты тротуара разъезжались у него под ногами. Что-то бормоча, время от времени он отмахивался от воображаемых мух, жужжащих над его головой.

Он пытался сосредоточиться на прохожих, которые попадались навстречу, надеясь, что в ком-то из них великодушные преодолеет отвращение, которое люди обычно чувствовали в его присутствии. Альберт Кернодл не мог удержаться ни на одной работе и уже несколько лет занимался попрошайничеством. Доллар здесь, доллар там, иногда пятерка, а то и десятка позволяли не сдохнуть, но ему все-таки приходилось ежедневно обходить мусорные контейнеры у задних дверей кафе и ресторанов. Иногда его разум прояснялся и наступало понимание, что он больше не поднимется со дна — такая уж у него судьба... Приложив некоторые усилия, ему все еще удавалось сводить концы с концами — пока жива была надежда, что игра стоит свеч. Однако временами он терял и эти крупницы веры. Чаще всего это случалось, когда он вспоминал, что его дни сочтены. Ну и зачем суетиться? Как ни странно, ответ «почему бы и нет» казался ему вполне логичным.

Он шел, готовый метнуться по первому зову за скромной подачкой, но на этот раз ему было гораздо труднее, потому что что он видел людей, которых на самом деле не было. Почти не было. Как и других видений, порожденных его больным воображением. Увидев немолодую пару, выходящую из «Анджелини», нового итальянского ресторана, — он как-то наведывался туда в туалет, — Альберт двинулся за ними, по-

степенно прибавляя шаг, чтобы догнать их раньше, чем они сядут в машину.

В названии ресторана он увидел хороший знак — ангелы идут из «Анджелини». Ангелы, полные милосердия и сострадания. Готовые поделиться парой баксов с прохожим. Протянуть руку помощи нуждающемуся.

— Эй... Простите... Простите!

Женщина удивленно оглянулась.

Отмахнувшись от очередной темной фигурки, словно назойливый комар мелькнувшей справа у самого лица, Альберт заворчал, сообразив, что подал голос слишком рано.

— Боб, скорее! — прошептала женщина, вцепившись в руку своего спутника.

— Постойте! — окликнул их Альберт. — Я ничего плохого... Я не... У вас не найдется...

Он застонал, разочарованно помотал головой и только собрался начать свою речь сначала, как мужчина направил брелок на темно-синюю машину и нажал кнопку. Раздался чирикающий звук, и блокировка дверей отключилась.

— В другой раз, приятель, — проговорил он.

— Мне много не надо, — быстро заговорил Альберт, чувствуя, что рыба соскальзывает с крючка. — Всего бакс. Сушья ерун...

Мужчина покачал головой, выставив подбородок:

— Я же сказал... — И вдруг выронил брелок и начал падать. Он ударился о левое заднее крыло, и его тело отбросило в сторону. В тот же миг упала и испуганная женщина. Она подвернула ногу, сломала высокий каблук и рухнула вперед, ударившись лицом о бордюр.

У Альберта тряслись руки. Стоя над распростертой на асфальте парочкой, он таращился на неподвижные тела и не мог отвести взгляд от капель крови, капающих с бордюра — они будто загипнотизировали его. Альберт видел много странного наяву и не только, но сейчас он не знал, что именно видит. Слишком странно, чтобы быть явью, но в то